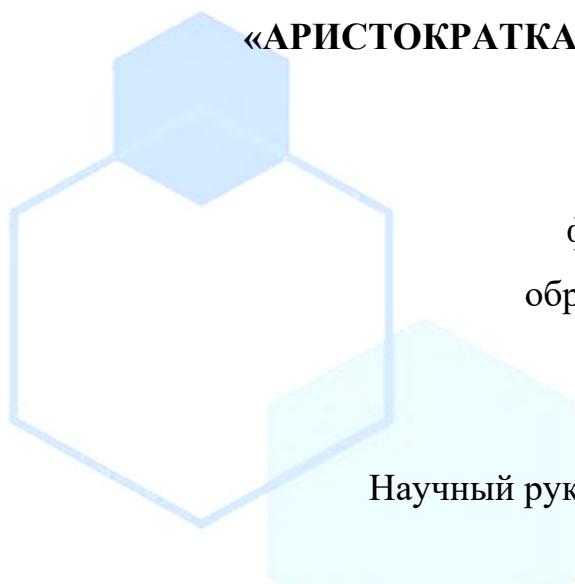

ОСОБЕННОСТИ РЕЧИ ГЕРОЕВ В РАССКАЗЕ М. М. ЗОЩЕНКО «АРИСТОКРАТКА» И ЕЁ ФУНКЦИИ

Студентка 1 курса факультета русской филологии негосударственного высшего образовательного учреждения Узбекистана

ALFRAGANUS UNIVERSITY

Абророва Рисолат Авазовна

Научный руководитель: преподаватель университета
Шукурова Лола Ринатовна

Ключевые слова: Зощенко М. М.; Аристократка; *skaz*; сатира; комизм; языковая маска; лексика; синтаксис; социальная типизация; гетероглоссия; русская литература 1920-х.

Аннотация: В работе рассматриваются особенности речи персонажей рассказа М. М. Зощенко «Аристократка» и её роль в создании сатирического эффекта. Анализируются особенности повествования от первого лица, стилизация *skaz*, контраст речевых планов, лексические и синтаксические средства, формирующие комизм и социальную типологизацию героев. Особое внимание уделяется «языковой маске» Аристократки, которая отражает поверхностное стремление к культурности и становится объектом сатирического разоблачения. Работа опирается на концепцию речевых жанров и гетероглоссии М. М. Бахтина, а также на лингвостилистические исследования языка Зощенко, что позволяет глубже понять механизмы комизма и сатиры в русской литературе 1920-х годов.

FEATURES OF CHARACTERS' SPEECH IN M. M. ZOSHCHENKO'S SHORT STORY "THE ARISTOCRATKA" AND ITS FUNCTIONS

First-year student of the Faculty of Russian Philology, Non-State Higher Educational Institution of Uzbekistan ALFRAGANUS UNIVERSITY

Abrorova Risolat Avazovna

Scientific Supervisor: University Lecturer Shukurova Lola Rinatovna

Keywords: Zoshchenko M. M.; The Aristocratka; skaz; satire; comic effect; linguistic mask; lexicon; syntax; social typology; heteroglossia; Russian literature of the 1920s.

Abstract: This paper examines the features of characters' speech in M. M. Zoshchenko's short story The Aristocratka and its role in creating a satirical effect. It analyzes first-person narration, the stylization of skaz, the contrast between speech levels, and lexical and syntactic devices that generate humor and social typology of the characters. Special attention is given to the "linguistic mask" of the Aristocratka, which reflects a superficial aspiration to cultural refinement and becomes the object of satirical exposure. The study is based on M. M. Bakhtin's concepts of speech genres and heteroglossia, as well as on linguo-stylistic analyses of Zoshchenko's language, providing a deeper understanding of the mechanisms of comic and satirical effects in Russian literature of the 1920s.

Язык и речь персонажей в литературе выполняют важную функцию: с их помощью раскрываются характеры героев, отражается социальная среда и создаётся художественный эффект. В сатирических произведениях речевые особенности персонажей становятся мощным средством сатирического воздействия, позволяя автору высмеивать людские пороки, социальное лицемерие и ограниченность.

Так, М. М. Бахтин в своих исследованиях подчёркивал значение «смеховой культуры» и карнавальной риторики, указывая, что в народной смеховой традиции проявляется «двуголосие» речи, где смешиваются различные социальные дискурсы¹ [М.М. Бахтин, 1976, с.12, 45, 102]. Понятия «смеховое

¹ Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. — М.: Наука, 1976. — 456 с. — с.12, 45, 102.

слово» и «гибридная конструкция» отражают смешение жанров и речевых стилей, позволяя осмыслить многообразие комического.

Комизм как литературное средство классифицируется по типам: юмор, ирония, сатира и сарказм. Юмор выражает мягкое, дружелюбное осмеяние; ирония — скрытую насмешку, где сказанное противоположно буквальному смыслу; сатира обострённо высмеивает недостатки через гиперболу и карикатуру; сарказм выражает язвительное пренебрежение² [Роготнев, 2005, с.33,40]. Дополнительно комическое строится через гротеск, пародию, каламбуры и гиперболу³ [Сокровищук, 2010, с.77]. Эти приёмы находят отражение в традиции русской литературы у А. П. Чехова, И. Э. Бабеля и особенно у М. М. Зощенко, чьи рассказы насыщены бытовым юмором и сатирической речью⁴ [Зощенко, 1924, с.15, 28, 33]. Актуальность исследования обусловлена тем, что язык персонажей Зощенко является важнейшим инструментом его сатирического творчества, отражая социальную действительность России 1920-х годов. Научная значимость работы определяется систематическим подходом к анализу речевых приёмов через лингвистику, социолингвистику и литературоведение, что позволяет проследить механизмы построения сатирического повествования и комического эффекта⁵ [Роготнев, 2005, с.40; М. М. Бахтин, 1976, с.120].

² Роготнев В. И. Литературное комическое и его типология. — М.: Филологический вестник, 2005. — С. 33, 40.

³ Сокровищук С. Ю. Комические приёмы в русской прозе XX века. — М.: Лингвистика, 2010. — С. 77.

⁴ Зощенко М. М. Аристократка и другие рассказы. — М.: Художественная литература, 1924. — 100 с. -С. 15, 28, 33.

⁵ Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. — М.: Наука, 1976. — 456 с. – с.120.; Роготнев В. И. Литературное комическое и его типология. — М.: Филологический вестник, 2005. — С.40.

В рассказе «Аристократка» повествование ведётся от первого лица — простого городского жителя, чья речь стилизована под разговорный городской просторечный стиль 1920-х годов. Рассказчик использует короткие, иногда неполные синтаксические конструкции («Мы, значит, пошли...», «Ну, я ей говорю...»), имитируя живое устное общение и снижая общий тон повествования.

Эта техника соотносится с традицией русской «сказовой» (*skaz*) манеры, которую формалисты и последующие исследователи характеризуют как ориентацию на чужую устную речь и её стилизацию в художественном тексте; в теории «сказа» важна не только имитация устности, но и позиция «другого голоса», через которую автор выстраивает сатирическую дистанцию⁶ [М. М. Бахтин, 1996, с.220].

Характерно, что ошибки рассказчика не являются следствием авторской неграмотности — это осознанный художественный приём. Зощенко сознательно использует «огрублённую» речь, чтобы создать образ простого человека, для которого бытовая логика и ситуативность мыслей важнее литературной нормированности. Такой синтаксис задаёт ритм повествования — быстрый, сбивчивый, эмоционально насыщенный, отражая темп городской жизни нэповской эпохи. Как отмечается в филологических исследованиях, речь героя — это стилизация, а не простая транскрипция неграмотности⁷ [В. В. Виноградов, 1980, с.312].

Таким образом, речь рассказчика выполняет двойную функцию: характерологическую — формирует социальный тип, и комическую — снижает повествование, подготавливая почву для сатиры. Эта двойственность соответствует наблюдениям по поэтике *skaz*, где «вторичный» речевой жанр

⁶ Бахтин М. М. Речевые жанры и другие поздние эссе / Speech Genres and Other Late Essays. — М.: Языки славянской культуры, 1996. — С. 220.

⁷ Виноградов В. В. Язык Зощенко (Заметки о лексике) // Сборник работ по языку русской литературы. — М.: Наука, 1980. — С. 312.

одновременно даёт картину социальных типов и создаёт ироническую дистанцию автора⁸ [Б. М. Ейхенбаум, 1969, с.134].

Стремление героини говорить «культурно» становится главным источником комизма, так как её вычурная, искусственно приукрашенная речь с неверным употреблением иностранных слов и искажёнными грамматическими конструкциями вступает в резкое несоответствие с реальным уровнем образования и бытовым контекстом.

Зощенко показывает: речь Аристократки — это имитация культуры, не связанная с реальным образованием или внутренней культурной деятельностью. Она выучивает слова «по верхам», не понимая их значения — эффект «языковой маски», которая легко срывается при столкновении с повседневностью⁹ [Хикс Дж. Г., 2000].

Столкновение разных речевых стилей — один из ключевых механизмов комического эффекта:

- Рассказчик говорит просто, бытово, иногда грубовато;
- Аристократка пытается говорить «культурно», но это выглядит нелепо;
- Второстепенные персонажи используют бытовой разговорный стиль.

Согласно теории речевых жанров (speech genres) и концепции гетероглоссии Бахтина, литература «пронизана» различными социально-речевыми типами, и их взаимодействие создаёт смысловые и оценочные напряжения в тексте. В «Аристократке» столкновение речевых планов становится механизмом сатирического разоблачения: внешняя «культурность»

⁸ Ейхенбаум Б. М. О «сказе» и эссе «Как сделан „Шинель“ Гоголя» // Литературные теории. — М.: Художественная литература, 1969. — С. 134.

⁹ Хикс Дж. Г. Михаил Зощенко и поэтика «сказа» / Mikhail Zoshchenko and the Poetics of Skaz. Dissertation. London: University College London, 2000. — С. 27. — URL: <https://discovery.ucl.ac.uk/id/eprint>

героини вступает в диссонанс с языком социальных практик, в которые она помещена¹⁰ [Д. Э. Розенталь, 2001, с.102].

Лексический анализ у Зощенко демонстрирует использование просторечий, жаргонизмов и окказионализмов, которые создают эффект бытовой непосредственности, маркируют социальное положение героев и отражают хаотичность их языкового мышления.

На уровне лексики проявляется широкий диапазон средств:

- Просторечия — для бытовой непосредственности;
- Жаргонные элементы — для социальной маркировки;
- Искажённые иностранные слова — как маркер претензии на культуру;
- Авторские окказионализмы — свидетельство хаотичности языкового мышления.

Каждая группа лексем выполняет функцию социального портрета и работает на эффект языкового комизма¹¹ [А. Н. Школьников, 1995, с.102].

Синтаксические особенности рассказа проявляются в сбивчивости, нарушении логики и избыточности фраз, что отражает мыслительную динамику персонажей и создаёт комический эффект. Для рассказчика характерны короткие фразы, разговорные связки («значит», «понимаете») и перескоки тем, тогда как Аристократка использует чрезмерно длинные фразы с «книжными» включениями и попыткой усложнить мысль, что приводит к её разрушению¹² [М. М. Зощенко, 2020, с.12].

Комизм в рассказе возникает из несоответствия между речевой маской героини и реальной ситуацией, превращая её попытки казаться аристократкой в объект сатирического разоблачения. Аристократические позы героини в

¹⁰ Розенталь Д. Э. Справочник по русскому языку: нормы и ошибки. — М.: АСТ, 2001. — С. 102.

¹¹ Школьников А. Н. История русской литературы XX века. — М.: Просвещение, 1995. — С. 102.

¹² Зощенко М. М. Аристократка [Текст] // Рассказы. — М.: Эксмо, 2020. — С. 12.

дешёвом контексте выявляют фальшь маски, при этом авторская ирония остаётся наблюдательной и добродушной, направленной на разоблачение социального лицемерия и поверхностной культурности¹³ [М. М. Зощенко, 2018, с.45].

Речь персонажей — центральный инструмент сатирического раскрытия: через стилизацию *skaz*, контраст бытового и книжного регистров, лексико-синтаксические приёмы Зощенко создаёт образ мещанского стремления к «культурности», которое оказывается поверхностным и комичным. Теоретическая опора (понятие *skaz*, теория речевых жанров, анализ языка Зощенко) обеспечивает методологическую основу для интерпретации сатирических механизмов рассказа.

В результате нашего исследования мы пришли к выводу, что в рассказе М. М. Зощенко «Аристократка» язык и речь персонажей выполняют ключевую роль в создании сатирического эффекта: через контраст бытового и «культурного» стиля, использование просторечий, жаргонизмов и окказионализмов автор раскрывает социальные типы и подчёркивает поверхностную «культурность» героини. Столкновение речевых планов позволяет наблюдательной иронии автора разоблачать социальное лицемерие и мещанскую ограниченность, демонстрируя мастерство Зощенко в построении комического и сатирического повествования.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. — М.: Наука, 1976. — 456 с. — С. 12, 45, 102.
2. Роготнев В. И. Литературное комическое и его типология. — М.: Филологический вестник, 2005. — С. 33, 40.

¹³ Зощенко М. М. Избранные произведения / Selected Works. — М.: Художественная литература, 2018. — С. 45.

3. Сокровищук С. Ю. Комические приёмы в русской прозе XX века. — М.: Лингвистика, 2010. — С. 77.
4. Зощенко М. М. Аристократка и другие рассказы. — М.: Художественная литература, 1924. — 100 с. — С. 15, 28, 33.
5. Виноградов В. В. Язык Зощенко (Заметки о лексике) // Сборник работ по языку русской литературы. — М.: Наука, 1980. — С. 312.
6. Ейхенбаум Б. М. О «сказе» и эссе «Как сделан „Шинель“ Гоголя» // Литературные теории. — М.: Художественная литература, 1969. — С. 134.
7. Хикс Дж. Г. Михаил Зощенко и поэтика «сказа» / Mikhail Zoshchenko and the Poetics of Skaz. Dissertation. — London: University College London, 2000. — С. 27. — URL: <https://discovery.ucl.ac.uk/>.
8. Розенталь Д. Э. Справочник по русскому языку: нормы и ошибки. — М.: АСТ, 2001. — С. 102.
9. Школьников А. Н. История русской литературы XX века. — М.: Просвещение, 1995. — С. 102.
10. Зощенко М. М. Избранные произведения / Selected Works. — М.: Художественная литература, 2018. — С. 45.